
Абрам Моисеевич Деборин [Иоффе]

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ГРАКХА БАБЕФА

**ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ**

Сборник статей в память

академика Евгения Викторовича Тарле

М.: изд-во АН СССР. 1957. С.224-243

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Тематически связанные материалы даны нами после статьи

В народных массах, на долю которых выпадали страдания от голода и жесточайшей эксплуатации со стороны богатых, всегда жили мечты о будущем, о тех счастливых временах, когда не будет угнетения, когда воцарится справедливость, подлинная свобода и социальное равенство, — словом, когда наступит «золотой век». В народном сознании существовало представление или вера в то, что некогда на земле не было нищеты, не было рабства, что люди жили счастливо, когда «все было общим», т. е., что некогда существовал «золотой век». На протяжении истории люди «вспоминали» о «золотом веке», мечтая о его возврате, о его восстановлении.

Наука установила, что в прошлом действительно общество жило в условиях коммунизма, хотя и примитивного, что первоначальной формой общественного строя был первобытно-общинный строй. Народ сохранил в своей памяти обрывки воспоминаний об этом «золотом веке», лежащем позади нас, т. е. в историческом прошлом. Стремясь к счастливому светлomu будущему, когда трудящиеся массы освободятся от всякой эксплуатации человека человеком, когда над собственностью восторжествует человек, люди видят перед собой «золотой век» в будущем, впереди себя. Между «золотым веком» позади нас и «золотым веком» впереди нас существует определенная связь, проходящая через всю историческую жизнь народов.

В XVII и XVIII вв. друзьями трудящихся, в особенности бедного крестьянства, строились всевозможные теории то о «возврате» к счастливому прошлому, то о создании совершенно нового общественного строя, не похожего на прошлые формы общества.

В эпоху французской революции имелись течения, которые ставили своей целью восстановить старые общественные порядки, вернуться к мелкому производству, основанному на личном труде. Так называемый аграрный коммунизм означал возврат к примитивным формам коммунизма. Такой возврат к прошлому имел по существу реакционный характер. Наряду с подобными идеями, уже имели место и другие, которые ориентировались не на прошлое, а на будущее, исходя из той мысли, что прогрессивное развитие возможно не на возврате к примитивным условиям жизни, а, наоборот, на движении вперед к новым формам, которые явятся результатом коренного изменения общества на основе успехов науки и техники.

Однако между прошлым и будущим нет абсолютного разрыва. Поскольку существующее общество есть результат развития, продукт всей предшествующей истории, то оно принесло с собою наиболее прогрессивные и жизненные элементы, из которых обычно строится новая общественная формация.

С другой стороны, часто бывает так, что пережитки старого более или менее прочно удерживаются в новой общественной формации.

Так, Маркс на основе личных наблюдений писал, что некоторые образцы сельской общины, сменяющей общину, основанную на кровном родстве, сохранились «до наших дней, например — на моей родине, в Трирском округе». Одной из характерных особенностей древней общины были «общий дом и коллективное жилище», составлявшие экономическую основу общины¹.

«Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т. е. к переходным фазисам от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»².

Современное буржуазное общество является «переходным фазисом» к третичному образованию, т. е. к обществу, основанному на общей собственности. Таким образом, мы имеем три «образования», три основные формы. Третья является известным «возвратом» к первой при сохранении всех прогрессивных приобретений второго образования. Возврат этот выражается в восстановлении (разумеется, на совершенно иных основах науки и техники) общей собственности.

Часто ученые задают себе вопрос, каковы источники тех или иных коммунистических утопий. Исследователи часто склонны искать их корни или в отдаленном, сказочном прошлом или в каких-нибудь литературных произведениях седой старины. Эти поиски источников кажутся нам несостоятельными. Разумеется, Томас Мор имел своим «первоисточником» (литературным) Платона, подобно тому, как Морелли имел своего предшественника в лице Мора, но эти литературные источники не являются определяющими для создания коммунистических систем. Подлинными источниками являются условия реальной жизни. Незачем лишний раз объяснять, что Томас Мор, или точнее его «Утопия», представляет собою продукт английского общества его времени. При этом надо помнить, что Мор исходил из строя той сельской общины, которая еще так или иначе, несмотря на все меры к разрушению общинного строя, сохранилась и которая могла стать исходным пунктом для восстановления общественной собственности.

В глазах крестьянства, по крайней мере беднейшего, земля всегда и почти повсюду считалась «божьей», т. е. общей собственностью.

«После того,— пишет Фриц Вольтерс,— как начали присматриваться к собственной стране, внимание вскоре было привлечено целым рядом коммунистических семейных союзов, которые вызвали чувство восторга даже у самого Вольтера: я здесь имею в виду крестьянские общины в Оверни.

Почти у всех народов мы наталкивались на пережитки первоначального коммунизма, корни которого восходят к периоду пастушеской жизни и началу оседлости. В настоящее время коммунистические учреждения сохранились главным образом среди славянских народностей, в крестьянских семьях. В XVIII в. они (коммунистические учреждения.— А. Д.) не успели еще окончательно исчезнуть и во Франции. В Оверни крестьянские семьи Китгар-Пинонов, Баритель, Боже, Бургад, Таренте, Терм,

¹ К. Маркс и его ответ В. Засулич. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I, стр. 284.

² К. Маркс. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I, стр. 285.

Продель, Боннему, Турнель, Англад и другие продолжали жить еще полностью в коммунистическом быту»³.

Эти Овернские коммунистические общины были очень древнего происхождения; их собственная семейная традиция относилась к возникновению их общин к XIII и даже к XI в., а по новейшим исследованиям, как пишет Вольтерс, существование Пинонов может быть документально доказано для 780 г.⁴

Они достигли больших успехов как в материальном, так и в духовном отношении. В XVIII в., когда эти общины стали уже исчезать, ими особенно заинтересовались: в Энциклопедии Дидро появилась статья Фэге, Вольтер в своем «Философском словаре» посвятил им похвальную статью, а Ретиф де ла Бретон писал их историю в произведении под названием «L'école des Pères».

Скоро обнаружилось, что такие крестьянские коммунистические общины имеются и в других провинциях Франции. Фэге и ла Бретон, увлеченные этими общинами, решили составить по их образцу новые общины. Но их опыт не удался, потому что, как говорит один автор, им не хватало бескорыстия, простоты и любви к труду.

Само собой разумеется, что, имея перед глазами такие живые образцы, теоретикам аграрного коммунизма незачем было обращаться в заморские страны или в седую древность за поисками коммунистических общин.

Основным вопросом французской революции XVIII в. был вопрос аграрный. Индустрия была еще мало развита. Сельское хозяйство играло ведущую роль в экономике страны. Крестьянство было доведено до высшей степени нищеты и деградации. Оно устраивало бунты, восстания, убивало помещиков и слишком ревностных чиновников.

Естественно, что вопрос о положении крестьянства сильно беспокоил друзей народа, которые искали пути и способы для изменения его положения. Наметились два решения вопроса: равный раздел земли и создание аграрно-коммунистических общин.

Сторонники раздела земли, или «аграрного закона», преобладали над сторонниками отмены частной собственности. Крестьянству ближе всего был раздел земли. Вокруг аграрного закона велись во время революции очень острые бои. Правительство Робеспьера приняло, как уже сказано было, суровый закон, который был на руку буржуазии, владельцам земли.

Теоретики коммунизма стояли за полную отмену частной собственности, видя в ней источник всех бедствий. На коммунистические теории оказали влияние, помимо литературных произведений прошлого (утопий), коммунистические крестьянские общины.

Как ни слаба была коммунистическая прослойка во время революции, она, несомненно, сыграла свою роль, вызвав к жизни «Заговор равных», так как Бабеф воспитывался на идеях Морелли, Мабли и современных ему Буасселя, Доливье, Ланжа, Госслена, Ретифа де ла Бретона и др. Надо еще подчеркнуть, что Бабеф очень ценил Руссо, произведения которого, в частности его «Эмиль», произвели на него сильнейшее впечатление. Основная идея Руссо — идея равенства — явилась исходным принципом всего мировоззрения Бабефа. На идее равенства он построил все свое учение. Впрочем, эта идея являлась в то время самой популярной, самой распространенной. Именно во имя равенства совершили-де, революцию,

³ Ф. Вольтерс. Очерки по истории аграрных отношений и аграрного вопроса во Франции 1700—1790 гг. 1923, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 54; см. также Э. де Лавеле. Первобытная собственность. 1875, стр. 219 и сл.

равенство провозглашено естественным правом человека. Во имя равенства крестьянство требовало раздела земли. На идее равенства строили свои коммунистические теории как старшее поколение утопических коммунистов, так и молодое поколение, в том числе и Бабеф.

Мы не имеем возможности говорить здесь более или менее подробно о Морелли, Мелье, Мабли. Тем не менее, следует коротко ознакомиться с теми из них, кто действовал во время революции.

«Люди, воспитанные на сочинениях философов, проникнутые идеями Руссо, глубоко верившие в природную доброту человека, пропитанные как модными философскими теориями, так и абсолютистской традицией старого режима и принципом неограниченного верховенства государства, не могли в момент всеобщего возрождения Франции не проявить стремлений к полному и даже близкому осуществлению идеального общежития, о котором в течение последних пятидесяти лет так много говорилось и в романах, и в политической литературе. Возникновение этих тенденций было неизбежно, и, если чему можно удивляться, так это крайней редкости и робости этих мечтаний»⁵.

Вряд ли можно согласиться в этом утверждении с тем, что стремление к осуществлению «идеального общества» во время революции проявилось слабо.

Точно так же мы далеки от того, чтобы разделять мнение акад. Е. В. Тарле о том, что «сделать уничтожение частной собственности центральным пунктом пропаганды Бабеф не решился ни в казармах, ни в рабочих предместьях»⁶.

Е. В. Тарле сводит бабувистское движение к чисто политической программе: к требованию замены конституции 1795 г. конституцией 1793 г. Бабеф якобы стремился заменить одно правительство другим. Никаких других идеалов и стремлений у него будто бы не было. Бабеф, пишет Е. В. Тарле, «совершенно не помышлял не только о немедленном социальном перевороте после победы, но даже о возможности содействовать этой победе пропагандой против собственности»⁷.

Разумеется, все это не может не вызвать серьезной критики. Мы привели достаточно данных, свидетельствующих о прямо противоположном. Научная принципиальность требует решительного возражения против неверных представлений о бабувистском движении и его программе у Е. В. Тарле, памяти которого посвящен настоящий сборник.

Нужно заметить, что Е. В. Тарле впадает в противоречие с самим собой. Он утверждает, с одной стороны, что Бабеф боялся сделать центральным пунктом своей пропаганды отрицание собственности, с другой стороны, Е. В. Тарле пишет, что Бабеф успокаивал обладателей мелких состояний, что он против «грабежа маленьких лавок», «маленьких хозяйств». Зачем же ему было успокаивать, если он даже боялся говорить против частной собственности?

Из отношения Бабефа к мелким лавочникам, т. е. к мелким состояниям, Е. В. Тарле делает вывод о том, что Бабеф не был коммунистом. А между тем это только доказывает политическую мудрость Бабефа. Он ставил в первую голову задачу экспроприации крупных собственников, стремясь опереться в своей борьбе на мелких собственников в качестве союзников. Это было тем более важно, что пролетариат был крайне немногочислен.

⁵ А. Лихтенберже. Социализм и французская литература, стр. 34.

⁶ Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. II. СПб., 1911, стр. 507.

⁷ Е. В. Тарле. Указ. соч., ч. II, стр. 518.

Надо прямо сказать, что вся концепция Е. В. Тарле относительно заговора Бабефа явилась серьезным просчетом нашего крупного и заслуженного историка.

В глазах трудящихся частная собственность в эпоху революции была окончательно лишена «священного ореола». Конфискация церковных, монастырских и помещичьих земель совершенно расшатала старые понятия о неприкосновенности частной собственности. В ходе революции народные массы стали требовать конфискации имущества эмигрантов, спекулянтов, подозрительных и вообще богатых. Широко распространенные среди народа требования, обращенные к государственной власти, относительно снабжения голодающих и просто нуждающихся средствами существования, — что, согласно этим требованиям, является долгом и обязанностью государства — говорят также об определенных новых понятиях в отношении права человека на существование.

Нечего было бояться Бабефу выступить перед рабочими с лозунгом об уничтожении частной собственности.

Критика существующего социального строя в эпоху революции питалась противоположностью интересов между огромным большинством населения и небольшой сравнительно прослойкой богатых. Понимание того, что ничтожное меньшинство притесняет огромное большинство, было широко распространено. Трудящиеся испытывали это на собственной шкуре, и их не надо было даже в этом убеждать. Один из критиков тогдашнего положения вещей — Мерсье — писал еще до революции (в 1784 г.), что «демон собственности заражает всех, к кому он прикасается. Богом является... золото, и на алтарях приносят в жертву любовь, человечность, самые ценные добродетели»⁸.

Еще в 1780 г. известный впоследствии жирондист Бриссо де Барвилль обнародовал книгу под названием «Исследование о праве собственности и воровство», в которой автор провозглашает тезис, использованный впоследствии Прудоном, который гласит: собственность — воровство, собственность — преступление; в природе не существует собственности.

Наряду с идеологией, согласно которой общественный договор и гражданское общество создаются главным образом или даже исключительно для защиты собственности, накануне революции возникает и развивается совершенно новое социальное учение, которое исходит из того, что гражданское общество существует для взаимного обеспечения граждан средствами существования и для возможно большего счастья людей.

Основным лозунгом среди «коммунистов» и сторонников черного передела стало: каждому индивиду общество должно гарантировать пропитание! — *La première loi est qu'il faut vivre*».

«Все должны служить гарантией для каждого отдельного человека: поддержание человека является священнейшей задачей общественного порядка, пробным камнем для каждого социального строя: все, что направлено на эту задачу, справедливо и хорошо; то, что не имеет никакого отношения к ней — безразлично; все же, что мешает ей, не только дурно, но бесчеловечно, противозаконно, несправедливо. Ибо, говорит Ламбер, землю пахут не деньги и не дворянские грамоты, а люди; обеспечение им самого необходимого является поэтому не благодеянием, а только справедливостью. Снова были исследованы причины, приведшие к образованию гражданского общества, и было найдено бессмысленным верить в то, что оно возникло для защиты собственников: напротив, задача общества

⁸ Mercier. *Mon bonnet de nuit*, t. II. 1784, p. 197—198 (цит. по книге: Ф. Вольтерс. Указ. соч., стр. 87).

должна сводиться к тому, чтобы восполнить собственность для тех, кто чувствовал недостаток в ней»⁹.

Вольтерс цитирует Буасселя, Ламбера, Дюфурни де Виллиера и др. Они не солидарны в положительных своих идеалах, но одинаково отрицательно относятся к существующим условиям. Они все постепенно приходят к сознанию того, что масса является «производительной основой» всего существующего, что она составляет нацию и «образует сущность человеческого рода».

Поворот в понимании сущности гражданского общества в смысле обеспечения неимущих, в смысле «общества взаимного страхования», если можно так выразиться, должен был закончиться полным отрицанием частной собственности.

Целый ряд авторов выступил с пропагандой идеи, что главной целью и необходимой основой общества должна быть защита слабого и нуждающегося. Только позже коммунисты пришли к идее, что вообще не должно быть слабых и нуждающихся,— но это уже на следующей ступени развития.

Мы напоминаем о проекте декларации прав человека и гражданина, который был предложен Максимилианом Робеспьером, но который был отвергнут жирондистами. Робеспьер отошел от тех философов и политических мыслителей, а также от предложенной жирондистами и принятой декларации, в которой задача общества сводится к охране собственности. Робеспьер провозглашает целью общества «защиту естественных и неотъемлемых прав человека и развитие всех его способностей». Основными же правами человека он считает право на существование и свободу¹⁰.

Отсюда следует, что общество обязано заботиться о существовании всех членов общества. Что касается собственности, то она также получает у Робеспьера иное определение и подвержена известным ограничениям. Однако Робеспьер застрял на полдороге. Он в принципе признает частную собственность, он борется только против крупной собственности, отстаивая в качестве представителя мелкой буржуазии мелкую собственность.

На первом месте стоит право на существование. Из него вытекает право на труд. «В труде кроются источники, необходимые для сохранения как отдельного человека, так и всего человеческого рода; поэтому долг личности — трудиться по мере своих сил, долг общества — доставить каждому работу. У рабочего... нет другой собственности, кроме его собственных рук. Эта собственность, самая священная из всех (*cette propriété la plus sacrée de toutes*), должна, по крайней мере, всегда пользоваться уважением, и государство должно позаботиться о том, чтобы к услугам ее носителей были всегда готовые мастерские»¹¹.

Нам надлежит ознакомиться с теми теориями социального характера, которые в эпоху революции имели хождение среди крайних левых элементов общества.

Зарождение «идеи нового мирового порядка», т. е. коммунистической идеи, связано с появлением ряда книг и памфлетов во время революции, с практическим участием в революции выразителей этой идеи в лице «бешеных» и затем с заговором Бабефа. Разумеется, при этом не следует забывать их предшественников в лице Морелли, Мабли и др.

⁹ Ф. Вольтерс. Указ. соч., стр. 91.

¹⁰ «Les principaux droits de l'homme sont celui de pouvoir à la conservation de son existence et de la liberté» (J. Jaurès. Histoire socialiste, t. IV, p. 1568).

¹¹ Ф. Вольтерс. Указ. соч., стр. 93. Эти идеи были развиты в ряде брошюр, как например, в брошюре Фоша «De la religion nationale», 1789; Ламбера «Cahiers des pauvres», 1789 и т. п.

Утопист Госслен еще в 1787 г. высказывает по вопросу о собственности идею, близкую к идее Спенса, хотя надо подчеркнуть, что Спенс стоял прочно за национализацию земель, в то время как Госслен не вполне определенно выражает свою мысль. Что можно определенно сказать по поводу плана Госслена — это то, что он прокламирует право пожизненного пользования землей, собственником которой является общество, точнее, человечество. Основная идея, которая является для Госслена руководящей, — это идея равенства. Для осуществления равенства «необходимо произвести отчуждение частных имуществ, необходимо превратить их временно в общественную собственность и затем произвести равный раздел по образцу Спарты»¹².

Госслен считает невозможным полное уничтожение частной собственности, так как оно может привести к угашению всякой энергии. Поэтому Госслена к коммунистам отнести нельзя. «С моей точки зрения, — пишет Госслен, — ...самым быстрым средством для уничтожения неравенства является обобществление всех имуществ с целью произвести равный раздел их по образцу спартанского законодателя. Тогда, раз все будет разделено поровну, лишь от нас самих будет зависеть жить в счастье, пользуясь выпавшей на нашу долю частью»¹³. Идея равного раздела земель во имя равенства была широко распространена во Франции в эпоху революции. Эта идея была наиболее доступна бедноте, голодающим и обездоленным массам народа. Идея равенства превалировала над всеми другими социальными идеями. Идея равенства политического естественно не могла не породить идею экономического равенства. Этим самым, какой ни одной стороной была эта идея, она тем не менее означала огромный шаг вперед в истории человеческого прогресса, так как она поднимала неимущего, повышала его самосознание и человеческое достоинство. Это была одна из важнейших идей, легших в основу демократического мировоззрения и демократической политики.

Иную позицию занимал Буассель, выпустивший в 1789 г. книгу под названием «Катехизис человеческого рода» («Le catéchisme du genre humain»). Помимо этого труда, у Буасселя имеются еще некоторые работы, но вошел он в историю социализма как автор «Катехизиса».

Буассель принял активное участие в революции, несмотря на свой преклонный возраст. Он состоял членом Якобинского клуба и занимал должность судьи в гражданском трибунале департамента Сены. Его «Катехизис» вызвал огромное возмущение среди господствующих классов, особенно среди духовенства. Буассель ставил своей целью низвергнуть всех социальных идолов: религию, семью, собственность. Справедливо сказано в «Социалистической истории» Жореса, в связи с изложением взглядов Буасселя, что его книга является показателем того, что коммунизм пытался выйти из стадии романтической и платонической и вмешаться в реальную жизнь, принять участие в борьбе. Социалистическая мысль, как говорит автор, пробудилась вместе с революционным движением¹⁴. За свои коммунистические взгляды Буассель был исключен из Якобинского клуба — «под влиянием Робеспьера»¹⁵. Современное общество, — говорит Буассель, — это общество торгашеское, человекоубийственное и антисоци-

¹² В. П. Волгин. История социалистических идей, ч. I. 1928, стр. 229. О Госслене см. также А. Лихтенберже. Указ. соч., стр. 35—36; Ф. Вольтерс. Указ. соч., стр. 95.

¹³ Ф. Вольтерс. Указ. соч., стр. 96.

¹⁴ J. Jaugès. Histoire socialiste, t. IV, p. 1534.

¹⁵ Ibid., p. 1552.

альное. Каковы главные учреждения этого общества? Это собственность, брак и религия, которые были изобретены людьми и освящены, чтобы узаконить узурпацию, насилия и обман¹⁶.

«Строй современного общества имеет торгашеский характер, так как он побуждает людей к добру только в предвидении награды; убийственный, так как он вооружает одних людей против других и возбуждает между ними экономическую борьбу; противообщественный, так как он приучает каждого отдельного человека думать только о личном благосостоянии, вместо того, чтобы заботиться об общем благе»¹⁷.

Буассель считает, что собственность придумали сильные для того, чтобы угнетать слабых. Разумеется, Буассель далек от того, чтобы понимать, как возникла частная собственность. Но что она является орудием власти и угнетения — это он констатирует правильно.

Человек имеет право на вещи лишь в меру его потребностей. Сверх потребностей человек не имеет права себе присваивать ненужной собственности. «Общество должно прийти на помощь природе, облегчая удовлетворение наших потребностей; оно не может создавать противообщественных условий, приучающих отдельную личность присваивать себе все то, что должно принадлежать всему обществу и распределяться по истинным принципам социального и морального порядка, соответственно потребностям, склонностям и влечениям каждого из членов общества»¹⁸.

Жорес видит в Баусселе предшественника Сен-Симона и Анфантена, Лихтенберже считает Буасселя «сильно приближающимся к Бабефу».

Совершенно путаную систему предложил Ретиф де ла Бретон. Он — эгалитарист, а не коммунист. В своем «Антропографе», опубликованном еще в 1782 г., он нарисовал картину идеального общества, в котором осуществлена общность земли. Но позже он пришел к заключению, что такое общество неосуществимо. Во всяком случае, частная собственность не может быть отменена немедленно. Это длительный процесс, при котором необходимо путем постепенных ограничений собственности подготовить людей к полному преобразованию общества.

Заслуживает еще внимания «коммунист» Шапюи. Он противник частной собственности, т. к. считает, что от нее происходят все несчастья людей. Его план устройства коммунистического общества интересен в том отношении, что он некоторым образом предвдывает план Фурье, по крайней мере в отношении внешнего устройства. По его плану (Plan social) вся Франция делится на квадраты по две тысячи туазов в каждом. В центре каждого из таких квадратов помещается дом, в котором живет 1050 человек. Это напоминает фурьеристский фаланстер.

Французская революция впервые подняла самые коренные вопросы социально-политической «философии». Одним из важнейших вопросов являлся вопрос о взаимоотношении между человеком и гражданином. Право гражданства уже согласно провозглашенным в декларации прав человека и гражданина должно связываться не с собственностью, а с личностью. К этой идее в ходе революции пришли многие представители демократического направления.

Так, например, в «Ответном письме аббату Сийесу» автор пишет: «Личность является наиболее священной, наиболее ненарушимой и ценной собственностью; эта собственность является единственной, которая должна

¹⁶ J. Jaugès. Op. cit., p. 1553.

¹⁷ А. Лихтенберже. Указ. соч., стр. 43.

¹⁸ Там же.

определять отношения индивида к государству, к политической ассоциации французов»¹⁹.

Ценность личности, как таковая, должна служить критерием для определения ее гражданской ценности. Право гражданства есть принадлежность личности, как таковой, независимо от собственности.

Вообще вопрос о правомерности собственности был поставлен в то время крайне остро. Среди трудовых масс собственник не являлся окруженным мистическим ореолом и пользующимся особым уважением, как это было при старом порядке. В собственнике видели преступника, присваивающего себе чужое добро. Богачей ненавидели, их травили наравне с аристократами.

Аббат Курнан, профессор Коллеж де Франс, пишет Олар, напечатал в апреле 1791 г. «явно социалистическое сочинение под таким заглавием: «О собственности, или дело бедных, защищаемое перед трибуналом разума, справедливости и истины». Он писал там, что следует заняться собственностью бедняков и равным разделом имущества между всеми гражданами, являющимися также братьями, членами одной семьи, имеющими одинаковые права на общее наследство»²⁰.

Варле писал: «Право земельного владения имеет свои границы в обществе; размеры этого владения должны быть таковы, чтобы они не причиняли никакого ущерба коммерческой или земледельческой промышленности. Во всех государствах неимущие составляют большинство, а так как их свобода, безопасность и сохранение составляют блага, стоящие впереди всех остальных, то их самая естественная воля и их самое неизменное право заключаются в том, чтобы предохранить себя от гнета богатых, ограничивая честолюбие приобретателя и нарушая справедливыми средствами чрезмерную непропорциональность имуществ». Так как собственность — неприкосновенное право, то всякий собственник свободен располагать по своему усмотрению своим имуществом и своими доходами, каково бы рода они ни были, «если только употребление, какое они делают из них, не ведет к разрушению общества». «Богатства, накопленные в ущерб общественному благосостоянию путем кражи, ажиотажа, монополии или скупки, становятся национальной собственностью с той минуты, как общество приобретает прочное фактическое доказательство хищения»²¹.

Большинство парижских рабочих, отмечает Олар, придерживалось, по видимому, социальной политики Гебера, как она изложена им в декабре 1792 г. в № 198 его «Отец Дюшен». «Я не проповедаю, — писал он, — того, что умные люди называют аграрным законом, потому что, согласно расчету одного знаменитого математика, если бы все земли были поделены, то каждый из нас получил бы только сорок экю дохода, а это — не сокровище Перу. Невозможно установить полного равенства имущества, ибо, если даже предположить, что у каждого из нас было бы свое поле, свой луг, сад, своя маленькая ферма, то тот, кто умел бы лучше обрабатывать землю, у кого было бы больше сил или изобретательности, тот скоро сделался бы богаче своего соседа. Итак, я не требую раздела земель, но я хочу, чорт возьми, чтобы заставили раскошелиться всех этих богачей, насыщенных кровью бедняков, чтобы заставили финансистов вернуть все, что они награбили у нации, чтобы остригли когти всем этим хищным зверям, и тогда будет чем покрыть издержки войны. Скупки прекратятся, золотые и серебряные монеты не будут больше продаваться, и торговля пой-

¹⁹ Ф. Вольтерс. Указ. соч., стр. 106.

²⁰ А. Олар. Политическая история французской революции, стр. 119—120.

²¹ Там же, стр. 546—547.

дет своим обычным ходом. Не будут больше кататься в каретах, но в этом нет и необходимости. Умному человеку нужна только груша, чтобы утолить жажду, и кусок хлеба на старость»²².

Олар не имел четкого представления о сущности социализма. Для него раздел имущества есть известная форма социализма. Равенство имущества — социализм. Словом, всякая эгалитарная теория интерпретируется Оларом как социалистическая или коммунистическая. Критика Гебером аграрного закона весьма здравая. Но у него не было никакой теории социального характера.

Этого нельзя сказать о «бешеных». Варле, Доливье, Жак Ру, Леклерк и другие выдвигали социальную идею. Недаром Маркс ведет происхождение «идеи нового мирового порядка» от образования «Социального кружка» через «бешеных» к Бабефу. Олар недооценивает историческое значение «бешеных». А между тем им, несомненно, принадлежит почетная роль в процессе расслоения единого третьего сословия на враждебные и антагонистические классы с различными социальными идеями.

К какому обострению противоречий между собственниками и несобственниками привели события во время революции, доказывает памфлет «Призыв чести и истины к собственникам» Иосифа де-Баррюэль-Бовэра.

Автор с пеной у рта говорит о народе и якобинцах, которые, по его мнению, вызвали анархию, стремясь погубить собственников «под развалинами монархии». «Неуместно, — говорит автор, — называть гражданами этих людей, которые готовы на всякие преступления, так как им нечего терять. Истинными гражданами являются те, которые владеют имуществом; остальные являются лишь пролетариями или рождающими детей; и, как в Англии, они никогда не должны были бы ни быть вооруженными, ни вотиловать»²³.

Автор брошюры противопоставляет правам человека и гражданина, как они сформулированы в Декларации, свой контрреволюционный лозунг, гласящий: «Люди, у которых ничего нет, равны вам».

Очевидно, что равенство неразрывно связано с проблемой собственности, что до тех пор, пока существует частная собственность, нет места равенству.

Декларация прав человека и гражданина, будучи обобщением философских и социальных теорий предшествующего времени, в свою очередь явилась источником новых социальных идей, породив ряд новых теорий. Одной из важнейших идей Декларации было провозглашение нации верховным сувереном. Эта идея заключала в себе мысль о том, что народ является хозяином своей страны, полновластным собственником территории государства. Доливье в соответствии с этим очень своевременно напомнил о том, что нация является собственницей своей земли. Он говорит о социальном праве, противопоставляя его политическому праву. Какова точка зрения на собственность, и в частности на земельную собственность? — спрашивает Доливье. «Следует сознаться, — отвечает он, — что до сих пор об этом очень мало рассуждали и что в основе того, что было сказано, лежат ошибочные понятия. По-видимому, боялись заняться этим вопросом и очень поторопились облечь его таинственным и священным покровом, как будто для того, чтобы воспретить всякое исследование его; но разум не должен признавать никакого политического догмата, требующего от него слепого уважения и фанатического повиновения. Не восходя к тем истинным причинам, в силу которых может и должна существовать

²² А. Олар. Указ. соч., стр. 546—547.

²³ Ж. Жорес. История Великой Французской революции, т. II, стр. 215.

собственность, можно утверждать, что те, кого называют собственниками, являются ими лишь благодаря праву, предоставленному законом. Одна нация, в самом деле, является собственницей своей земли. А предполагая, что нация могла и должна была допустить существующий порядок для частных имуществ и для их передачи, могла ли она это сделать так, чтобы лишить себя своего права верховной власти над продуктами и могла ли она предоставить собственникам такие права, чтобы для тех, кто не является собственником, не оставалось никаких прав, даже неотъемлемых?»²⁴.

Таким образом, согласно Доливье, единственным собственником земли является весь народ, вся нация. Что же касается права частной собственности, то речь может идти лишь о праве пользования частными лицами предоставленного им нацией участка земли, но нация никогда не может отказаться от своих верховных прав. Политическое верховенство, таким образом, неизбежно имеет своим последствием и верховенство социальное. Доливье установил два основных начала: земля принадлежит всем и никому в частности, и второе, что каждому принадлежит исключительное право на продукт своего труда. «Земля, взятая в общем, должна быть рассматриваема как великий общинный запас природы»²⁵.

Доливье, между прочим, высказывает идею о существовании классовых идеологий. Он говорит о том, что каждый класс граждан видит мир через призму своих частных интересов и в соответствии с этим у них различное понимание справедливости. Богач считает справедливым обладание собственностью. Бедняк видит справедливость в торжестве аграрного закона. На самом деле, говорит он, оба ошибаются: справедливость есть нечто совершенно другое.

Бабеф, о котором речь впереди, не мог пройти мимо работ и практической деятельности «бешеных», которые явились прямыми его предшественниками. При аресте у Бабефа была найдена одна из брошюр Доливье²⁶, который также значился в списках Бабефа как участник заговора.

«Бешеные» еще не имели четкой программы социального переворота. Они были, если можно так выразиться, полукоммунистами, составляя первую фазу в процессе зарождения коммунизма в новое время. Бабувизм представляет собою высшую ступень тогдашнего коммунистического движения, его завершение.

Возвращаясь несколько назад, следует напомнить, что Декларация прав человека и гражданина, хотя и была провозглашена буржуазией, тем не менее сыграла огромную революционную роль и явилась в известном смысле исходным пунктом всего нового прогрессивного и революционного движения. В самом деле, Декларация провозгласила принцип равенства всех людей, так называемый принцип эгалитаризма, развитый еще до революции Морелли, Мабли, пользовавшимися во время революции большой популярностью, Руссо, философами-материалистами и т. п. Декларация прав превратила принцип равенства и принцип верховенства народа из теоретических и «академических» положений в национально-политическую программу практической политики.

Из принципа верховенства народа, как уже подчеркивалось, следовало логически, что народ является не только политическим сувереном, но и социальным, т. е., что народ и никто другой является собственником земли на всей территории, на которой проживает народ. Этим самым право инди-

²⁴ Ж. Жорес. Указ. соч., стр. 253—254.

²⁵ J. Jaugès. Op. cit., p. 1649.

²⁶ Ibid., p. 1656.

видуальной, частной собственности было уже в корне подорвано, расширено. Неприкосновенность частной собственности была подвергнута сокрушительной критике. Но из того, что верховным собственником является народ, нация, следовало с логической необходимостью верховное право народа на экспроприацию частной собственности, на ее отчуждение обществом для общей надобности, в интересах коллектива. Если эта идея непосредственно не заключала в себе еще идеи обобществления, идеи общности имущества, то она несомненно вела к ней, т. е. была первым подступом к коммунистическим принципам.

Идея равенства также заключала в себе ряд скрытых еще принципов, которые вели к коммунистическим выводам. Если все люди равны в правах, то отсюда легко было сделать вывод не только о равенстве политических прав, но и о равенстве социальном, о равенстве имущественном. В этом свете аграрный закон, т. е. требование раздела земли, несмотря на его несостоятельность с точки зрения экономической, должен был сыграть большую революционную роль как в смысле развития самосознания народа, так и в отношении полного разрушения святости и неприкосновенности частной собственности, вопреки провозглашенному той же Декларацией прирожденному и неотъемлемому праву собственности.

Таким образом, мы видим, что революция расшатала основы неприкосновенности частной собственности и подготавливала умы трудящихся масс к восприятию идей уничтожения частной собственности, к восприятию идеи коммунизма. Переход от идеи раздела имущества, или от аграрного закона, к аграрному коммунизму был нетруден, тем более, что еще до революции такие идеи уже развивались ранними утопическими коммунистами. Теперь эти вопросы стали предметом практической политики.

Бабувизм и был ответом на вставшие в ходе революции проблемы социального порядка. Бабеф исходил из той же столь популярной в то время идеи равенства. В основе его системы лежит эгалитарный принцип и начало верховенства народа как в политической области, так и в области социальной. Бабеф начал с признания «аграрного закона». Отсюда и присвоенное им себе имя Гракха.

Социальная проблема явилась коренной причиной раскола тогдашнего общественного движения на два противоположных класса и направления: сторонников собственности и противников собственности. Декларация прав, как первая, так и вторая (жирондистская), равно как и конституции (в том числе и Конституция 1793 г.), защищали принцип собственности; народные же массы отчасти инстинктивно, отчасти уже сознательно видели в частной собственности источник всех общественных зол. Глухая борьба, которая происходила между жирондистами и монтаньярами, также имела своим коренным источником их отношение к вопросам собственности. Бабеф и его единомышленники выступили в качестве идеологов рабочего класса и всех трудящихся, составляющих огромное большинство населения тогдашней Франции.

Бабеф ориентировался главным образом на рабочих и другие демократические элементы населения, в том числе и на армию, которая состояла в основном из трудящихся.

Коммунистическое мировоззрение, по-видимому, сложилось у Бабефа довольно рано, еще до написания им «Постоянного кадастра». В этом отношении весьма важным документом является его переписка с секретарем Аррасской академии Дюбуа-де-Фоссе. Последний предложил Бабефу указать три темы для очередного конкурса Аррасской академии. Одна из этих тем гласила: «При современной высоте достигнутых человеческих

знаний каково было состояние народа, общественные учреждения которого были бы построены так, чтобы между всеми отдельными членами его царил бы полнейшее равенство; чтобы населенная этим народом земля принадлежала не отдельным лицам, а всем сообща; наконец, общая собственность распространялась на все предметы, вплоть до продуктов различных отраслей промышленности? Допускаются ли подобные учреждения естественным законом? Может ли такое общество просуществовать и осуществимы ли на практике способы абсолютно равного распределения?»²⁷.

Дюбуа-де-Фоссе не поставил предложенные Бабефом темы на конкурс. Но он признал вполне законной выдвинутую Бабефом тему. Одновременно Дюбуа-де-Фоссе сообщил Бабефу об одной интересной коммунистической брошюре, «самой оригинальной из всех существующих», как он пишет. Брошюра называлась «Предвестник преобразования всего мира» («L'Avant Coureur du changement du monde entier»). Она содержит в себе полный план коммунистического общества; общая работа всех людей, общее потребление и общее воспитание. Факт появления такой работы лишний раз доказывает, насколько живо работала общественная мысль и насколько широко были распространены коммунистические идеи. Однако, наряду с общими идеями, носящими коммунистический характер, автор высказывает ряд самых нелепых мыслей, касающихся в особенности вопроса об уничтожении городов, о «сравнении их с землей» и т. п.

В 1789 г. Бабеф в сотрудничестве с математиком Одифре издал брошюру под названием «Постоянный кадастр». Брошюра была им поднесена Национальному собранию.

В «Вводной речи» к «Постоянному кадастру» Бабеф развивает мысль о том, что так как все люди равноправны, то общественный договор должен противодействовать возможному развитию неравенства. Между тем, общественные законы созданы для того, чтобы дать возможность сильным и хитрым присвоить себе общую собственность.

«Они накопили для своего личного пользования такие богатства, которых было бы достаточно для целых тысяч их ближних. Мелкие имущества поглощены крупными, которые могли, таким образом, разрастись до невероятных размеров. Количество рабочих возросло; их заработная плата упала; а часто они вовсе не находят никакой работы. В таком случае, если из 24 миллионов человек 15 миллионов не владеют ничем и страдают, должны ли они уважать собственность и умирать с голоду из любви к 9 остальным миллионам в виде признательности за то, что те их ограбили до нага? Не всегда, вероятно, они будут покорно сносить свое положение... богатый класс сделал бы гораздо лучше, если бы уступил добровольно, не доводя их до отчаяния... Все должны пользоваться одинаковыми правами и одинаковым благосостоянием... Земля, наша общая мать, должна была бы делиться только пожизненно, а каждый участок объявлен неотчуждаемым, так чтобы личное достояние каждого гражданина всегда было за ним обеспечено и не рисковало быть утраченным».

Вместо этого идеального равенства господствует ужасающее неравенство. Так как природа производит только то, что строго необходимо для существования всех людей, то избыток одних неизбежно берется из доли, необходимой для остальных. Люди, ничего не имеющие, вправе протестовать, подобно тому, как опекаемый, достигнув совершеннолетия может

²⁷ А. Лихтенберже. Указ. соч., стр. 40; см. также Ф. Вольтерс. Указ. соч., стр. 102; Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf, t. II, Correspondance, 1884, p. 117, 118, 120, 192, 193.

отнять власть у недобросовестного опекуна. Богатые сковали народ цепями, одурманили его суевериями. Поэтому первая неотложная реформа должна заключаться в образовании и просвещении народа, и в установлении одинакового для всех воспитания, для того, чтобы образованные лишены были возможности угнетать остальных. Впредь до великой реформы будущего, которая должна начаться с вышеуказанной меры, царящему злу можно противопоставить только паллиативные средства. Одной из таких паллиатив является план кадастра²⁸.

Работая над кадастром, он близко ознакомился с бедственным и бесправным положением французского крестьянства. Под влиянием этих реальных условий жизни крестьянства, с одной стороны, и утопически-коммунистической литературы — с другой, Бабеф рано пришел к «коммунистическим» воззрениям. «Кодекс природы» Морелли (который им приписывался Дидро), сочинения Мабли, Буасселя и др. явились литературными источниками его социально-политической доктрины.

Взгляды бабувизма изложены в ряде документов, из которых важнейшими являются «Манифест плебеев», «Манифест равных», «Изложение системы Бабефа» и «Ответ на письмо, подписанное М. В.».

Центральная идея, легшая в основу всего мировоззрения Бабефа и его единомышленников, была идея равенства. Идея эгалитаризма, как мы уже неоднократно подчеркивали, доминировала, наряду с идеей свободы, над всей тогдашней общественной жизнью. При этом следует указать, что идея равенства явилась могучим оружием в борьбе неимущих с имущими, в то время как элементы буржуазные и зажиточные главным образом опирались на идею свободы.

«Манифест плебеев»²⁹ был напечатан в органе Бабефа «Народный трибун», в № 35. В «Манифесте» вначале говорится о том, что настало время уничтожить нищету. В этих целях предлагается экспроприировать богатых, т. е. отнять у них то, что они отняли у бедных путем грабежа их имущества и пользуясь законами, которые защищают воров и мошенников.

«Манифест» провозглашает, что целью общества является всеобщее благо. Что касается вопроса о частной собственности, «Манифест» объявляет, что земля не принадлежит никому в частности, но принадлежит всем сообща.

Все, что превышает необходимые средства для удовлетворения потребностей, есть социальное воровство. Стремление присвоить себе излишек, т. е. сверх того, что необходимо для удовлетворения потребностей, есть подлое посягательство на права народа. «Манифест» высказывается также против права наследственности. Нарушение принципа равенства «Манифест» видит и в преимуществах талантов и искусств, которые являются «химерой» и которые служат заговорщикам средством против равенства.

«Манифест» ратует за то, чтобы умственный и вообще квалифицированный труд оценивался одинаково с простым и физическим трудом.

Происхождение пролетариата «Манифест» очень примитивно объясняет неправильной оценкой труда, его стоимости и достоинства. «Несправедливо, — отмечается в «Манифесте», — требовать большего вознаграждения для тех, труд которых требует более высокой степени умственного развития, умения и напряжения ума. Это интеллигенты установили

²⁸ А. Лихтенберже. Указ. соч., стр. 41—42.

²⁹ «Tribun du Peuple», II, 100—106; № 35, 9 frimaire an IV.

высокую цену за работу своего мозга, а между тем работа рук стоит работы мозга, работы головы».

«Продукты индустрии и талантов должны быть собственностью всех, достоянием всего общества». Автор «Манифеста» высказывает в связи с этим очень правильную мысль о том, что приобретенные изобретателями и трудящимися знания и умения являются результатом всей совокупности знаний, искусства и опыта всего предшествующего человечества и, следовательно, достоянием всех людей.

Автор «Манифеста», стремящийся к полной уравниловке, не может мириться с неравенством в образовании. Он понимает и сознает, что образование есть мощное орудие в жизненной борьбе и что оно дает образованным людям сильные преимущества, нарушающие равенство и дающие возможность образованному меньшинству господствовать над необразованным большинством населения.

Самая лучшая форма правительства не в состоянии изменить коренным образом социальный порядок. Необходимо разрушить источник корыстолюбия и властолюбия.

«Надо изменить все общественные учреждения таким образом, чтобы они лишили всех индивидов надежды сделаться когда бы то ни было ни более богатыми, ни более могущественными, ни более выдающимися, чем все остальные, равные ему».

Надо добиться того, чтобы судьба человека не зависела от случайностей, обеспечить каждого гражданина и его потомство достатком (но не более). Единственное средство добиться этого — учреждение коммунальной администрации. Задача, стоящая перед нею — отменить частую собственность, прикрепить каждого способного человека к производству, которое он знает, обязать его доставлять продукты своего труда в общественные магазины; учредить администрацию для наблюдения и заведывания запасами. Ведя учет всех индивидов и всех продуктов, администрация будет с самой скрупулезной точностью делить продукты на равные части и доставлять их на дом каждому гражданину.

Бабеф проводит аналогию с управлением армией. То, что возможно в малом, говорит он, то возможно и в большом. Это значит: то, что возможно в применении к двенадцати французским армиям, то возможно осуществить для всего французского общества.

Этот новый строй избавит человечество от главного бича — от неуверенности в завтрашнем дне, от безработицы и забот о судьбе наших детей и внуков.

«Манифест» в конце характеризуется только как первый набросок, который предлагается обездоленным массам французского народа с целью изучения и ознакомления с его сущностью.

«Манифест равных»³⁰ написан известным философом-материалистом и одним из вождей предполагавшегося восстания Сильвеном Марешалем. Основные идеи этого «Манифеста» тождественны с идеями «Манифеста плебеев», хотя и имеются некоторые существенные отличия.

Уже из самого названия «Манифеста равных» следует, что автор исходит из идеи эгалитаризма.

«С незапамятных времен, — сказано там, — нам лицемерно повторяют, что «все люди равны», и с незапамятных времен над человеческим родом тяготеет самое унижающее, как и самое чудовищное неравенство». Отныне, говорится в «Манифесте», мы желаем жить и умереть равными.

³⁰ См. А. Томас. La doctrine des Egaux. 1906, p. 82—87.

«Да прекратится этот позор, которому наши потомки откажутся верить. Да исчезнут, наконец, возмутительные различия между богатыми и бедными, великими и малыми, хозяевами и слугами, управляющими и управляемыми! Да не будет другой разницы между людьми, кроме разницы возраста и пола, потому что все имеют одни и те же потребности и свойства. Необходимо, чтобы существовало для всех одно и то же образование и одно и то же питание. Все довольствуются одним солнцем и одним воздухом. Почему же одинаковая порция и качество пищи не будет удовлетворять всех!»

«Никогда еще более грандиозный план не был начертан и приведен в исполнение. Изредка некоторые талантливые люди, некоторые мудрецы говорили об этом тихим и дрожащим голосом. Но ни один из них не имел мужества сказать всю правду. Час великих дел настал! Зло достигло своего предела. Оно покрыло лицо земли. Хаос под именем политики царствует уже много столетий. Пусть все придет в порядок и займет свое место... Настал момент — основать республику равных. Этот великий странноприимный дом открыт для всех людей. Наступили дни всеобщего восстания».

«Долой индивидуальную собственность на землю!» «Земля не принадлежит никому!» «Мы хотим всеобщего пользования продуктами земли: продукты принадлежат всем».

«Отныне мы не будем терпеть, чтобы большая часть людей работала в неволе в угоду ничтожному меньшинству. До сих пор менее одного миллиона людей владело тем, что принадлежит более чем двадцати миллионам».

Напрасно говорят, что мы хотим ввести аграрный закон. Нет! Аграрный закон, или раздел земли, был только минутным желанием нескольких беспринципных солдат, некоторых поселенцев, движимых скорее инстинктом, чем рассудком. Мы претендуем на нечто более справедливое и благородное: Общее благо или Общность благ».

«Французская революция есть только предвестница другой революции, гораздо более великой, гораздо более торжественной, которая будет уже последней революцией».

Народ шествовал по трупам королей и священников, которые объединились против него; он так же поступит с новыми тиранами, с новыми политическими тартюфами, усевшимися на место прежних».

Нам нужно более, чем равенство прав. Нам нужно не только это равенство, записанное в Декларации прав человека и гражданина. Мы хотим его иметь среди нас, под крышей наших домов. Словом, мы хотим реального, фактического равенства. Ради него мы согласны на все. Да погибнут, если надо, все искусства, лишь бы у нас было реальное равенство!»

В конце «Манифеста равных» автор выдвигает в качестве политической формы республики равных Конституцию 1793 г. Конституции 1791 и 1795 гг. характеризуются как конституции аристократические. Одна только Конституция 1793 г. представляет собою шаг вперед в направлении реального равенства. Однако она является только исходным началом, первым шагом к реальному равенству, но она далеко не удовлетворяет бабувистов в качестве конечной цели. Конституция эта подлежит дальнейшим усовершенствованиям и преобразованиям в соответствии с идеалами полного равенства и требованиями коммунистического общества».

Мы постарались передать содержание двух важнейших документов бабувизма почти дословно, как они изложены в обоих «Манифестах».

Содержание их одинаковое, хотя Бабеф не во всем был согласен с Маршалем. Но мы видели, что теоретический уровень обоих документов весьма низкий. Бабувисты, несомненно, заслуживают глубокого уважения потомства выдвижением идеи коммунизма как исторического порождения французской революции. Что же касается теоретического обоснования коммунистической идеи и коммунистического общественного строя, то оно носит, как сказано в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, грубо-уравнительный и аскетический характер. Бабувисты выступили, очевидно, под влиянием Руссо, против искусства и образования, видя в них средства угнетения и орудия эксплуатации богатыми бедных. Это была с их стороны грубейшая ошибка. Они не понимали огромной революционизирующей, воспитательной роли искусства, которую оно призвано играть при коммунистической революции. Бабувисты видели, как буржуазия использовала искусства и образование в целях своего господства и угнетения бедных. При капитализме господствующие классы монополизировали образование и искусства, не допуская представителей угнетенных классов к источникам образования, держа народ в темноте. Знание стало в классовом обществе орудием власти, стало быть, орудием насилия над эксплуатируемыми массами. Этим объясняется отрицательное отношение бабувистов к образованию или, точнее, не к образованию вообще, а к неравному образованию. Нет никакого сомнения в том, что их отношение к образованию и к искусству, какими бы причинами это не объяснялось, носило реакционный характер.

Реакционным элементом являлось также и то, что было охарактеризовано как грубая уравнительность. Принцип равенства был доведен до нелепости. Мы видели, что люди должны питаться одинаковым рационом, одинаковой пищей, носить одинаковую одежду и пр. По этому поводу в «Коммунистическом манифесте» сказано следующее: «Первые попытки пролетариата доставить непосредственное торжество своим классовым интересам во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сами являются продуктом лишь буржуазных эпох. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность».

Многие положения бабувизма поражают нас ныне своей наивностью и ограниченностью. Однако, наряду с такими высказываниями, которые приведены выше при изложении содержания обоих «Манифестов», мы встречаемся с рядом идей прогрессивного значения. Так, например, французская революция рассматривается ими, в особенности самим Бабефом, как выражение постоянной классовой войны, войны между богатыми и бедными. Бабеф писал в № 85 издававшегося им органа «Народный трибуна», что французская революция представляла собою открытую войну между патрициями и плебеями, что эта война происходит всегда, с того момента, как возникают классы и вместе с ними эксплуатация богатыми бедных. Очень интересно замечание Бабефа, что богатые всегда стремятся убедить бедных в неизбежности и неотвратимости бедности.

Очень знаменательно то, что Бабеф придает политическим учреждениям второстепенное значение. Это не значит, что Бабеф отказывался от политической борьбы, от завоевания политической власти, но он видел в политике не самоцель, а только орудие власти для осуществления социального переворота. Касаясь вопроса о демократии, Бабеф подчеркивает,

что он далек от того, чтобы заменить одну конституцию другой. «Мы гораздо больше нуждаемся в учреждениях, чем в конституциях». Конституция 1793 г. только потому и заслуживает внимания, что она расчищала путь для этих учреждений. Сначала надо, как говорит Бабеф, установить хорошие плебейские учреждения, вслед за которыми появятся и хорошая конституция. Задача плебейских учреждений — обеспечить всеобщее благо.

«Выяснив чисто служебное, подчиненное значение конституции 1793 г., — правильно пишет П. Щеголев, — Бабеф переходит к определению настоящей сущности революции. Общественный договор был нарушен, равенство ниспровергнуто; результатом этого было то, что «богатства, принадлежащие всем, сосредоточились в руках незначительного меньшинства... что масса оказалась лишенной всякой возможности к существованию и встретила самое беспощадное к себе отношение со стороны касты монополистов; эти причины обусловили наступление эпохи великих революций, когда становится неизбежным всеобщий переворот в системе собственности, когда восстание бедных против богатых становится необходимостью, которую ничто не может предотвратить»³¹.

В разгар подготовки заговора, который не удался вследствие измены одного из его участников (офицера Гризеля), сообщившего Карно о готовящемся восстании, Бабеф, ориентировавшийся на рабочих и армию как на те общественные группы, которые кровно заинтересованы в новой коммунистической революции, напечатал и выпустил в свет отдельной листовкой, которая распространялась и расклеивалась широко по городу, «Изложение доктрины Бабефа». В этом документе в простых, доступных выражениях сформулировано все учение Бабефа. Документ состоит из следующих двенадцати пунктов:

1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.
2. Цель каждого общества — защищать это равенство, на которое часто посягают сильные и злые люди в естественном состоянии, и увеличивать при содействии всех сумму общих наслаждений.
3. Природа наложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не может безнаказанно избавить себя от труда.
4. Труд и наслаждение должны быть общими.
5. Существует угнетение там, где один надрывается в работе и терпит во всем недостаток, в то время как другой утопает в изобилии, ничего не делая.
6. Никто не может, не совершая преступления, присвоить себе в исключительное пользование блага земли и промышленности.
7. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.
8. Богатые, не желающие отказаться от излишка в пользу неимущих, — враги народа.
9. Никто не имеет права посредством сосредоточения в своих руках всех материальных средств лишать других необходимого для их счастья просвещения: просвещение должно быть общим.
10. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить общее счастье.
11. Революция еще не закончена, потому что богатые захватывают все блага и пользуются исключительной властью, в то время как бедные работают, как настоящие невольники, изнывают в нищете и ничего не значат в государстве.

³¹ П. Щеголев. Грахх Бабеф. М., 1933, стр. 101—102.

12. Конституция 1793 г. является истинным законом для французов, потому что народ торжественно утвердил ее³².

Другим важным документом для уяснения взглядов и целей Бабефа является его ответ на письмо гражданина М. В., плохо разбиравшегося в идеях Бабефа и путавшего раздел имущества с идеями коммунизма. Бабеф в этом ответе четко и ясно формулирует свою позицию и ту программу, которую он собирался осуществить после победы восстания.

Бабеф признает «систему равенства» вершиной человеческого возрождения. В качестве эпиграфа к этой программной брошюре Бабеф взял слова Кондорсе: «фактическое равенство — последняя цель социального искусства»³³.

Что следует понимать под реальным, фактическим равенством? — спрашивает Бабеф. Фактическое равенство, говорит он, имеет своим базисом два существенных условия: общий труд, общее пользование (*travaux communs, jouissances communes*). Труд есть необходимое условие всякого человеческого общежития. Общий, коллективный труд приведет к увеличению общественного богатства. Каждый должен работать на пользу всего общества, или (как пишет Бабеф), для великой социальной семьи, и каждый должен получать средства существования и наслаждений от общества. Таков голос природы. При этом состоянии равенство не есть химера, и свобода каждого прочно обеспечена.

Бабеф не сомневается, что если друзья свободы и равенства будут бороться с таким же энтузиазмом во имя нового идеала, с каким прежде боролись против феодально-монархического строя, то «крушение варварской системы частной собственности приведет в скором времени к счастливым временам золотого века и подлинного братства на земле, совершенно изгнанного из нашего чудовищного общества честолюбием и алчностью»³⁴.

Для осуществления нового порядка необходимо, говорит Бабеф, в первых, объединить все существующие богатства в руках республики, иначе говоря, обобществить все средства производства. Во-вторых, необходимо осуществить всеобщую обязанность труда. Все здоровые граждане должны трудиться, каждый в соответствии со своими способностями и навыками.

Все продукты сельского хозяйства и промышленности должны быть собраны в общественных складах. Распределение продуктов между членами общества должно быть равным. Задача состоит в том, чтобы уничтожить все источники частной собственности, частной торговли.

Революция останется бесплодной, если она ограничится изменением только формы угнетения, — мы бы сказали, формы эксплуатации, — а не превратится в новую, более грандиозную революцию, которая должна будет стать последней. Эта последняя, коммунистическая революция должна осуществить фактическое реальное равенство вместо формального. «Нет большего вероломства, — восклицает Бабеф, — чем называть свободными людей, осужденных на изнурительный труд без надежды пользоваться его плодами»³⁵.

Французская революция сделала полдела. Она остановилась на полпути, провозгласив формальное равенство и формальную свободу. Задача, которая теперь стоит перед народом, — и к этому страстно призывает

³² А. Томас. *Op. cit.*, p. 88—89.

³³ *Ibid.*, p. 73. «La propagande des Égaux. Réponse à une lettre signée M.—V.».

³⁴ Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства, т. II, стр. 220.

³⁵ Ф. Буонарроти. Указ. соч., т. II, стр. 222.

Бабеф,— это завершение революции, т. е. осуществление фактического равенства, осуществление общности имуществ.

Большая заслуга Бабефа заключается, между прочим, и в том, что он стал на позицию необходимости для осуществления коммунизма насильственной революции и установления диктатуры для проведения в жизнь великих преобразований.

Находясь под влиянием Госслена, Бабеф некоторое время увлекался идеей аграрного закона. Теперь он осуждает раздел. Система равенства, говорит он, исключает всякий раздел. Именно разделу наше общество обязано всеми видами тирании и всеми бедствиями, жертвами которых мы являемся. Система раздела, дележа необходимо ведет к разобщению людей. Для осуществления полного равенства необходимо изобилие продуктов, предметов первой необходимости. Изобилие же обеспечивается трудом членов общества. Для нормального функционирования общественного организма должна быть установлена всеобщность труда. Обязанность трудиться возложена на человека самой природой.

Умеренный труд есть источник здоровья и бодрости духа. Общество только в том случае гарантировано от разрушения, если все его члены трудятся. При системе всеобщего труда достигается общее увеличение продуктов и сокращение труда каждого отдельного члена общества. Бабеф, кстати, понимал значение машин, призванных облегчить человеческий труд и даже его заменить.

«Труд является для каждого человека предписанием природы, 1) потому что человек, уединившийся в пустыне, не смог бы без всякого труда обеспечить себя средствами существования; 2) потому что активное состояние, вызываемое умеренным трудом, является для человека источником здоровья и развлечений»³⁶.

Бабеф отдает себе отчет в особом положении рабочего класса,— этих наемных рабов. «Наши наемные рабочие,— говорит он,— наши крестьяне, не сохраняя за собою никакого права пользования произведениями своего труда, как и права на счастье, каким оно представляется им в условиях нашей цивилизации, принуждены все уступить алчным и праздным собственникам и в действительности страдают от голода, жажды и суровой погоды.

Пусть каждый трудится во имя великой социальной семьи и пусть каждому его труд даст возможность существования, наслаждения и счастья»³⁷.

Для нас, живущих в условиях социалистического общества, идея труда как основы общественной жизни «привычна», но в эпоху французской революции только великий ум мог подняться до понимания труда как источника радости, наслаждения и здоровья, но, конечно, труда свободного, а не подневольного. Социальная обязательность труда — высокая идея коммунизма. Только в свободном от эксплуатации человека человеческом обществе труд дает радость и счастье.

Великая историческая заслуга Бабефа состоит в том, что он не только создал особую коммунистическую доктрину, но и в том, что он решился осуществить ее на практике, подготавливая восстание, после победы которого предполагалось приступить к осуществлению общности имуществ. Вопрос об организации заговора во имя равенства выходит, однако, за рамки данной статьи.

³⁶ Ф. Буонарроти. Указ. соч., стр. 152.

³⁷ Там же, стр. 224.

Тематически связанные материалы:

Ф.Буонарроти. Заговор во имя Равенства

В.Далин. Социальные идеи Бабефа накануне революции

В.Далин. Начало политической деятельности Бабефа

В.Далин. Неизвестная рукопись Бабефа

В.Далин. Новые документы об отношении Бабефа к Дантону

В.Далин. Бабеф и Марат в 1789-1790 годах

**В.Далин. Гракх Бабеф накануне и во время
Великой французской революции (1785-1794)**

Г.Черткова. Барнав, Бабеф: два взгляда на французскую революцию

Г.Черткова. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции

**Г.Черткова. От Бабефа к Буонарроти:
движение во имя равенства или Заговор равных?**

**Ж.Дотри. Бабувистская традиция после смерти Бабефа
и до революции 1830 г.**

**Ж.-Р.Сюррато. Бабувисты, «красная опасность»
и пропаганда Директории (1796—1798)**

М.Домманже. «Равные» и Конституция 1793 года

М.Домманже. Бабеф и заговор равных

П.Щеголев. Заговор Бабефа

С.Бернстайн. Необабувистская печать 1837—1848 гг.

И.Эренбург. Заговор равных

**В.Волгин. Великая французская революция и социализм.
Идейное наследие бабувистов**

БАБЕФ Франсуа Ноэль (Гракх)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>